

13. Познер Р. Что такое культура? К семиотической экспликации основных понятий антропологии / Р. Познер // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 21–65.
14. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2010. – 769 с.
15. Словник символів культури України. / За заг. ред. В. П. Коцура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренка, В. В. Куйбіди. – К. : Міленіум, 2005. – 352 с.
16. Тищенко О. В. Обрядова семантика у слов'янському мовному просторі / Олег Володимирович Тищенко. – К. : Вид. центр КДЛУ, 2000. – 236 с.
17. Толчєєва Т. С. Сигніфікативні артефакти як структури репрезентації етномовної свідомості / Тетяна Станіславівна Толчєєва. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2009. – 286 с.
18. Толстые Н. И., С. М. О Словаре “Славянские древности” / Н. И., С. М. Толстые. – М. : Индрик, 1995. – С. 5–14.
19. Шеллинг Ф. В. И. Сочинения / Фридрих Вильгельм Иосиф Шеллинг. – М. : Мысль, 1987.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Освальд Шпенглер – М. : Мысль, 1998. – Т. 1; 2.
21. Труды по знаковым системам. – Вып. 1–25. – Тарту, 1964–1992.
22. Peirce C. S. Collected works of C. S. Peirce. – Cambridge : Garvard University Press, 1931–1958. – V. 1–8.

ЛАКУНЫ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЭТНОСОВ

ПРОЦЕНКОВА Н. В.

Благовещенский государственный педагогический университет

В нынешнем XXI в., как, впрочем, и в XIX–XX вв., не ослабевают внимание лингвистов к изучению взаимосвязи языка и культуры, выявлению факторов, которые могут препятствовать общению и взаимопониманию представителей разных народов, осмыслению процесса межкультурной коммуникации. Особый интерес представляет процесс между представителями славянского этноса.

Каждый язык отражает жизнь народа на любом этапе его развития, он идеально приспособлен для выражения культуры говорящего на нем этноса. Вполне естественно, что у одного народа может не быть предмета или каких-либо признаков предмета, которые имеются в материальной культуре другого народа. Предположим, некое лингвокультурное сообщество является преимущественно земледельческим, вероятно, в его языке будет присутствовать развитая система обозначений различных растений, способов их посадки, обрабатываемых территорий, наименований погодных условий, благоприятных для возделывания, и т.д. Общеизвестны примеры наименования снега в языках народов Крайнего Севера, более десятка названий для обозначения времени/отрезков суток в языке народа хауса (Западная Африка), наименования способов и видов походки в языке народа эве (там же), которым нет эквивалентов среди европейских языков.

Несомненно, изучение и описание национальной специфики любого языка, в первую очередь, связано с изучением лексики и основывается на том, что

именно в лексике синхронно отражаются все исторические и социальные преобразования общества, материализуется культура народа. Особую важность в условиях межкультурной коммуникации приобретают практические контрастивные исследования, направленные на выявление национальной специфики в лексической системе различных языковых групп, что способствует адекватному представлению, осмыслению и восприятию языковой картины мира каждого из народов.

Цель публикации – проанализировать сущность понятия “языковая картина мира”, национально специфические особенности близкородственных русского и украинского языков, языковые картины мира славянского этноса на материале исследуемых языков.

Существование взаимосвязи *язык – мышление – человек – культура* создает новую проблему в интерпретации содержания понятия “картина мира”. Эта проблема поворачивает вопрос о содержании этого выражения таким образом, что картина мира как совокупность знаний человека о мире подменяется картиной мира, существующей в языке, т. е. “языковой картиной мира”. Слово, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, отражает не сам реальный предмет, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете [5, с. 46].

В современной русистике термин “языковая картина мира”, констатирует З. И. Резанова, не только активно употребляем, но и представляет некое целостное направление исследований языковых фактов, языков в целом, направление, находящееся на пересечении лингвокультурологической и когнитивной проблематики. В исследовательском фокусе теоретического направления, использующего в качестве ключевого термин *языковая картина мира*, находится “говорящий человек”. И несмотря на то, что смысловая сфера “человек (народ, этнос)” в термине *языковая картина мира* лексически непосредственно не обозначена, она достаточно определенным образом оказывается актуализированной благодаря терминальному компоненту мотивирующего фрейма *картина*. Как утверждает автор, определение *языковая* в термине *языковая картина мира* совершенно четко задает границы понятия субъекта на шкале: человечество, этнос, социально или культурно выделенное сообщество людей в пределах этноса, человек, носитель индивидуального сознания, идиолекта [4, с. 31].

На наш взгляд, *языковая картина мира* – это образ объективного мира, опосредованный языком, хранимый им и передающийся человеком, группой, этносом из поколения в поколение в языковой форме.

Принципиально важно разграничивать непосредственную – когнитивную – первичную картину мира и опосредованную – языковую – вторичную картину мира. Они, по мнению З. Д. Поповой, И. А. Стернина, связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и вербальное, номинативное, как содержание сознания и средство доступа исследователя к нему. Определенно можно утверждать, что языковая картина мира не равна когнитивной картине мира, последняя (когнитивная) неизмеримо шире, так как названо в языке далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации

[2, с. 6]. Коммуникативная значимость языковой единицы, по мнению В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, связана с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа [1, с. 77].

Таким образом, *когнитивная картина мира* существует в виде *концептов*, которые образуют *концептосферу* народа, а *языковая картина мира* – в виде *значений языковых знаков*, образующих *семантическое пространство языка* и называющих соответствующие концепты. *Языковая картина мира* лишь частично отражает концептосферу и лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере. И язык, по мнению А. А. Залевской, является наиболее удобным доступом к концептосфере.

Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве языка данного народа. Исследование системных отношений в языке, исследование его национального семантического пространства – это моделирование языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками.

Исследуя языковые картины мира русского и украинского этносов, были выявлены любопытные языковые факты: национальная семная специфика, национальная семемная специфика, *лакуны*, *безэквивалентные единицы*.

По типологии выявленные лакуны были дифференцированы как *мотивированные*, которые объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре, и *немотивированные* (предмет, явление существуют в культуре, но остались невербализованы).

Мотивированные лакуны в русском языке на фоне украинского зафиксированы в группах: *наименования предметов и явлений духовной культуры, наименования реалий, связанных с историей, культурой, религией, наименования предметов и явлений материальной культуры, наименования человека, названия занятий, сельскохозяйственных работ, земель, территорий, продуктов*.

Наиболее вероятные причины наличия многочисленных мотивированных лакун в русском языке, надо полагать, таковы:

– отсутствие реальной территории: погорье Стрыйского и Самборского уездов в Галиции (ср. укр. *Бойківщина*), местность в пределах Украинских Карпат (ср. укр. *Верховина*) и т.д;

– отсутствие данного вида и элементов традиционной национальной одежды: мужская вышитая сорочка со стоячим воротником (ср. укр. *гуцулка*), очень короткий гуцульский тулупчик (ср. укр. *гуцуляк*) и т.д.;

– отсутствие реальных предметов материальной культуры: флейта из нескольких трубок (ср. укр. *най*); гуцульский народный духовой музыкальный инструмент в виде очень длинной деревянной трубы без вентиля и клапанов (ср. укр. *трембіта*), украинский национальный многострунный щипковый музыкальный инструмент, полушаровидной формы с широким грифом, струн от 12 до 30 и более (ср. укр. *бандура*) и т.д.;

– специфика концептосферы украинского и русского социумов, отраженная в народно-поэтических традициях: черт, которому отбило пятку, отчего он хромот (ср. укр. *Античко*, нар.), ласкательное название любимого мужчины (обычно эпитет) (ср. укр. *зелений барвінок*), бес, живущий в лесу и похожий на

мужика в красной шапке (ср. укр. *біхреса*), сказочное лесное существо в образе красивой обнаженной девушки с длинными распущенными волосами; лесная нимфа (ср. укр. *мавка*) и т.д.;

– отсутствие реалии в национальной культуре: украинский народный массовый танец, исполняемый в быстром темпе (ср. укр. *бурима*), народный танец с элементами вприсядку (ср. укр. *гайдук*), украинский народный быстрый танец, сопровождаемый песнями (ср. укр. *гуцулка*) и т.д.;

– отсутствие исторических реалий: казак Запорожской Сечи 18 века, который работал по найму в Запорожье, Крыму, Молдавии (ср. укр. *аргат*), народные мстители, действовавшие в горах в 16-18 в.в. в Закарпатье (ср. укр. *бескидники*), член Запорожской Сечи (ср. укр. *братчик*), казак/воин, вооруженный дубиной, рогатиной, деревянным молотом (ср. укр. *дейнека*), малый государственный герб независимой Украины с 1991 г. (ср. укр. *тризуб*).

Немотивированные лакуны в русском языке представлены максимальным количеством в следующих группах: наименования человека: *характеристика человека, наименования лиц по родству, семейной принадлежности, наименования лиц по роду деятельности*; названия занятий, сельскохозяйственных работ, земель, территорий, продуктов: *наименование процесса, действия, способа протекания времени, ощущений, отношений, наименования земель, обрабатываемых территорий, наименования сельскохозяйственных продуктов, овощей, фруктов, ягод, наименование предметов окружающей среды, явлений природы*; наименования животных и частей их тела, еды для них; наименования предметов и явлений материальной культуры: *наименования предметов домашнего обихода и их составляющих, названия орудий труда, инструментов и средств производства, наименования жилых построек, помещений, строений, их частей, наименования одежды, её частей, украшений, наименование кулинарных изделий, продуктов питания, наименование напитков, наливок*; наименования предметов и явлений духовной культуры: *названия народных обрядов, традиций, действующих лиц обрядов, названия предметов, связанных с народными традициями, обрядами, прикладное искусство (вышивка, резьба, орнамент)*; наименования реалий, связанных с историей, культурой, религией: *наименования наследства, наименования денежных взносов, налогов, льгот, платежей, обусловленных исторической обстановкой* [3, с. 116–118].

Таким образом, четко прослеживается тенденция наличия предмета, явления при отсутствии его наименования в русском языке. Например, русским языковым сознанием не обсуждаются подробно типы пастухов (укр. *коза́р, вола́р, вівча́р*); разновидности волов (укр. *бала́н, бамбу́ла, барна́, блинда́рь*); участки обрабатываемых территорий (укр. *садо́вище, баи́танище, барабо́льсько, жи́тнице, конюши́нице, гречкі́вка*), лица по родству (наименование сыновей, дочерей, жен – *козаче́нко, сотниче́нко, мельникі́вна, сотникі́вна, скля́риха/скля́рка*) и т. п. Это коммуникативно нерелевантно для русского народа. Однако для украинской лингвокультуры характерна детальная вербализация, проявившаяся в явлении гипонимии в языке. Отсюда и соответствующие лексемы: старый пастух овец в Карпатах (ср. укр. *бад*), старший пастух (ср. укр. *бац*), старший над пастухами (ср. укр. *вата́г*), молодой

пастух овец (ср. укр. *чабанéнко*, разг.) и т. д.; пастух рогатого скота у гуцулов (ср. укр. *бовгáрь*), пастух мелкого скота, преимущественно овец (ср. укр. *ватáжник*), пастух крупного рогатого скота (ср. укр. *череднiк*), пастух гусей (ср. укр. *дробiнник*), пастух коз (ср. укр. *козáр*), пастух баранов и недойных овец (ср. укр. *елочéр*), пастух волов, коров (ср. укр. *волáр*), помощник овчара (ср. укр. *чабанчúк*) и т.д.

Данный вид лакун в русском языке на фоне украинского языка классифицирован как *немотивированные видовые – гипонимические*. Уточним, выявленные лексемы являются немотивированными видовыми лакунами для русского языка и безэквивалентными единицами для украинского, они присущи только украинской лингвокультуре.

Украинские безэквивалентные единицы, составившие лексико-семантическую группировку “Наследство”, иллюстрируют семейную иерархию в украинском социуме: наследство от бабки (ср. укр. *бабiзна*); наследство от родителей (ср. укр. *бáтькiвщина*); имущество, приобретенное во время девичества (ср. укр. *дiвóщина*); имение, наследованное от предков, в частности, от деда (ср. укр. *дiдiзна*); наследство, оставшееся после дяди (ср. укр. *дя́дьковщина*); наследство, полученное от матери (ср. укр. *матерiзна*); наследство от прадеда (ср. укр. *прадiдiзна*); наследство, оставшееся после смерти свёкра (ср. укр. *свекрiвщина*); наследство, оставшееся после смерти свекрухи (ср. укр. *свекрiвщина*); наследство, оставшееся после смерти свекров (ср. укр. *свекрiвщина*); имущество, унаследованное от тестя (ср. укр. *тéстiвщина*).

Очевидно, исследуемые близкородственные языки (русский и украинский), несмотря на принадлежность к одной языковой подгруппе, близость культур, значительный по продолжительности исторический период совместного развития, интеграции социумов, демонстрируют национальную специфику семантики слова *не только* в аспекте лакунарности и безэквивалентности. Исследование показало, что специфически этнические особенности русского и украинского лингвокультурного сообщества отражаются в большей мере в народно-поэтическом творчестве, декоративно-прикладном искусстве, культурных и исторических традициях, обрядности, обычаях и т.д. Именно они объективируют этническое своеобразие и способствуют выявлению значительной части национальной специфики семантики лексических единиц.

Украинская и русская национальные языковые культуры формировались хотя и в тесной взаимосвязи (многое в развитии обоих языков и культур было, разумеется, в значительной степени общим для братских народов), но по сути, как показало исследование, развитие языков и культур привело к формированию пласта национально-специфической лексики в обоих языках.

Несомненно, контрастивное описание языковой картины мира представляет собой плодотворное поле для исследований. Именно контрастивные исследования позволяют выявить семантические расхождения, которые различают языковые картины мира разных народов. Выявление подобных языковых явлений служит неоспоримым доказательством национальной уникальности и неповторимости языковой картины мира, присущей определенной этносоциокультурной реальности при сопоставлении её с

реаліями другої культури, викликає великий інтерес і представляє лінгвістичну цінність для людей, тісно вовлечених в процес білінгвальної міжкультурної комунікації на різних рівнях і в різноманітних сферах життя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Лигвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 72–78.
2. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во “Истоки”, 2003. – 59 с.
3. Проценкова Н. В. Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках : контрастивный анализ / Н. В. Проценкова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – 180 с.
4. Резанова З. И. Языковая картина мира: взгляд на явление сквозь призму термина-метафоры / З. И. Резанова // Картина мира : модели, методы, концепты. Мат. Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных “Картина мира : язык, философия, наука” (1–3 ноября 2001 года) / Под общ. ред. проф. З. И. Резановой. – Томск : Издание ТГУ, 2002. – С. 28–35.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / Светлана Григорьевна Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНИЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕННЯ В АНГЛІЙСЬКИХ ТА УКРАЇНСЬКИХ МОВНИХ ОДИНИЦЯХ НА ПОЗНАЧЕННЯ ОДЯГУ

ПТУХА В. А.

Київський національний лінгвістичний університет

Стаття присвячена проблемі визначення поняття “національно-культурний компонент” значення у сучасній лінгвістиці та дослідженню номінативних одиниць на позначення одягу в англійській та українській мовах. Національно-культурний компонент семантики досліджували М. Г. Комлев, В. В. Воробйов, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахін, Д. О. Добровольський, В. М. Телія та ін.). У сучасному мовознавстві існують різні підходи до цього поняття, що призводить до неоднозначності і дифузності його трактування, а відтак, зумовлює його актуальність на сьогоднішній день.

Встановити національно-культурну семантику номінативних одиниць на позначення одягу в англійській та українській мовах; виявити спільні й відмінні тенденції у розвитку семантичної структури номінації на позначення одягу у зіставлюваних мовах.

Поняття національно-культурного компонента значення дослідники пов’язують з такими термінами як безеквівалентна лексика, фонова лексика, лакуна, реалія та конотативна лексика, але на сьогодні в лінгвістичних студіях все більшого поширення набуває термін лінгвокультурема, який є комплексною міжрівневою одиницею мови, що несе певну національно-культурну інформацію [2, с. 46].